

Лео Врун

Майонезовы

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-36
ББК 84-7
В83

Врун Л.

Майонезовы / Врун Л.; худ. Абрикосов Э. А. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 44 с.

ISBN 978-5-532-93442-9

«Что посеешь, то и пожнёшь», - сказал бы токарь Дмитрий Евграфович Майонезов, если бы знал эту пословицу. Вырастить двух противоположных друг другу сыновей - штука посложнее задачек по математике за десятый класс. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93442-9

© Врун Л., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

1	5
2	9
3	13
4	17
5	22
6	28
7	43

«С работы домой нужно тащить всё попало. Кроме говна и тараканов»

© Евграф Порфириевич Майонезов

Семейство Майонезовых возвращалось со школы домой. Недовольный, но сорокавосемилетний Дмитрий Евграфович; сдержанный, но четырнадцатилетний Евграф Дмитриевич, и просто двенадцатилетний Дима Дмитриевич. Все трое шли задумчиво, топчась по грязи. Тучи затягивали небо и становилось необыкновенно темно.

– Ты зачем Говядина избил, Дмитрий?– спросил отец, когда они уже подходили к своей родной пятиэтажке.

– Мне его нос не понравился. Хотелось побыстрее его сломать.

Отец семейства потрогал свой нос, убедившись, что в будущем ему ничего не грозит и аргументировал:

– Нос ему, видишь ли, не понравился... Мне, к примеру, не нравился живот твоей матери. И что теперь? А в нём ты, между прочим, был.

Младший хулиган будто не услышал папу и пнул голубя, жующего хлеб. Отец тяжело покачал головой: издалика казалось будто он кивает.

– Папа,– влез в разговор Евграф.– а я сегодня три пятерки получил. По трём предме...

– Рот закрой свой! – рявкнул батя на него.– Не видишь с Димой разговариваю?! Что за мода вечно лезть со своими глупостями!

Старший поник своей рыжей чёлкой и чуть не запнулся за бордюр.

– Здорова, Евграфыч.– поприветствовал отца, лежащий у подъезда, мужчина славянской внешности.

– Я тебя просил не называть меня по отчеству!– с лёгким стыдом проскрипел папаня.

– Лучше выпить дал бы, чем философствовать.– горько вздохнул отдыхающий.

– Спрячься куда-нибудь, а то дождь скоро ливанёт.

– Да не ливанёт – жопой чувствую.

Когда все трое были дома, ударил гром, а следом обрушился ливень. Отец в это время пил воду и со страху чуть не проглотил стакан. Потом засуетился, забегал по квартире, словно собака. Грозу, между прочим, он боялся с детства, ещё с деревни и своевременно восстанавливал картину произошедшего: однажды молния ударила его деда, когда тот во время дождя вешал антенну на крыше дома. Спустя час дед вернулся, но не весь. Сначала появился запах шашлыка, а затем сам дед. Единственное, что он тогда сказал: «Шо-то я обжогся»; при этом будучи с рождения немым. До самой смерти деда не подпускали к телевизору, так как он создавал помехи. С тех пор у Дмитрия Евграфовича при каждой вспышке и каждом грохоте перед глазами всплывает обугленный родственник. Обычно этот момент он переживал в туалете. Но сейчас туалет был занят старшеньким.

– А ну быстрее!– кричал Дмитрий Евграфович.– Почему я должен терпеть твои выходки?

– Я какаю.

– Почему именно сейчас?

– У меня живот болит.

– А ну, быстро вышел и пошёл делать уроки!

Через полминуты удобства освободились, а гром затих. Старший примкнул к письменному столу с чувством невыполненного долга. Очки его запотели от напряжения и вроде даже потрескались. Дмитрий-младший разгуливал по квартире кислый, как запах из холодильника: он собирался на вписку к старшекласснику Огорокову, но тот траванулся какой-то химкой и всё отменилось.

Евграф, сделав уроки за себя и за брата, что-то увлечённо записывал в блокнот и периодически находил на себе суровый взгляд отца. Тот стоял в проёме двери в одних трусах и жевал жареный куриный окорочок. Вёл он себя весьма предвзято. Жир стекал по его двойному подбородку и попадал с брюха на семейники.

– Эм, какой вкусный.– причмокивал отец жадно.– А у тебя аллергия.

Старший сглотнул слюну. Действительно – ему нельзя было ни курицу, ни сыр, ни яйца.

– Весь в мать.– пробубнил Дмитрий Евграфович, глядя как сын не отрывается от занятий.– Тоже заумная вся как Эйнштейн, блин. Видишь ли, я слово «жена» через «ы» написал. И что? Куда мне это пригодится? Я чё, Менделеев что-ли? Да, Димыч?

Но Димыч был морально занят. Он валялся на своей кровати, написывая во ВКонтакте училке по химии любовное признание: «я вас хачу».

– Я в твои годы со всей деревней переспал.– хвастливо заявил батя Евграфу.– Мне не до книжек было.

Тут в разговор вмешался Димка:

– Бать, а ты же говорил у вас там одни бабки жили.

– Ну а что поделаешь, если там зимой только бабки обитают?!– пожал плечами Дмитриевич и пошёл выкидывать останки окорочка.

Зазвенел дисковый телефон из коридора. Это был второй телефон в квартире после смартфона Дмитрия-младшего.

– Слушаю.– ответственно поднял трубку главарь клана и прищурился на, ковырявшего в носу карандашом, Евграфа.– Тебя, Пифагор.

Старший сорвался с места будто бешеный слон. Только маленький, рыжий и в очках.

Покраснев он начал шептать в трубку:

– Да, кошечка. Да. Привет. Можно, я думаю...

У Дмитриевича встали дыбом волосы, в основном на спине, а глаза залились негодованием.

Евграф окончив диалог сел за стол и снова залип в блокнот. Дмитрий Евграфович с завистью приказал:

– Эй, эрудит-в жопе динамит, иди окна на балконе закрой, а то зальёт.

Отличник с неохотой удалился из комнаты, а Димыч, не теряя ни минуты, накинулся на отца.

– Бать, мне кроссовки новые нужны.– пожаловался он, показав на перемотанные изолентой башмаки в прихожей.– Только родные. Рубля за три.

Евграфович аж поперхнулся и заявил, что сам ходит в кроссовках за пятьсот рублей и переплачивать за фирму не собирается, так как

и те и те шьют из одной бочки. И вообще, нечего по лужам ходить, да камни пинать.

– Вон, я чёрные полгода назад купил и до сих пор как новые.— сообщил отец и стал рыться в обувнице.— Сейчас покажу.

Евграф в этот момент боялся зайти на балкон. Во-первых, там было холодно. А во-вторых страшно. Ржавый велосипед «студент», обвешанный паутиной, чей-то сапог и пугало, похожее на Гитлера, так и не сожжённое на 9 мая 1975 года. Его-то Евграф и боялся больше всего. Больше, чем получить двойку. Собрав всю волю в кулак старший вернулся к себе в комнату.

Время близилось к вечеру и Дмитрий Евграфович уже во всю расслабился перед телевизором, поглощая пропаганду с федеральных каналов.

– Папа, – робко сказал Евграф, заглянув к отцу, – а у тебя триста рублей не найдётся?

– Чего??

– Да я тут с Алевтиной в кино собираюсь...

– Хах. В кино он собирается. Ты к отцу с такими вопросами не подходи больше. Иди и зарабатывай. А то и без тебя сходит твоя... проститутка.

Отец надулся бурля от негодования и кинул:

– Видишь ли, ей не по нраву, что я поинтересовался – целка она или нет. Что тут такого? Имею право.

Старший от обиды помрачнел, вернулся к себе и залип в учебнике по древней истории. Пришлось доучивать заданную тему про гомосексуализм в Древней Греции.

Димону-младшему нравилось, когда отец подтрунивал брата. Ему казалось это забавным. Сейчас он улыбался, заваливая страницу училки лайками. Даже отметил сердечком клипы Моргенштерна на её стене, которого не очень любил. Вдруг, в коридоре появился папа и пожал расстроенными плечами:

– Димка, я ведь и забыл, что их выкинул. Они ж у меня развалились, твою мать. Это всё дороги убогие: то за камень запнёшься, то в лужу вступишь.

2

На следующее утро батя пободрел, подобрел и потребовал от сыновей, чтобы колбаса с хлебом были съедены. В первую очередь, потому что продукты уже портились. У Дмитрия Евграфовича сегодня был второй выходной. Спровадив детей учиться, он налил себе пива и достал вяленого леща. По ТВ начался его любимый сериал «Мечь сварщика» и он в полной мере расслабился. Прервал его усладу звонок в дверь. Мужчина, бурча прошуршал в прихожую и отворил ворота.

— Пенсия.— шмыгнул баклажановым носом студент, а Дмитрий Евграфович шмыгнул своим картофельным и впустил волонтёра. Но с осторожностью, крепко сжав острую, словно нож, рыбу в руке.

— А где Татьяна?— словно сотрудник НКВД поинтересовался Дмитрий Евграфович.

— Понятия не имею о ком вы.— зажался студент, излучая запах шаурмы от своей футболки adiabs.

— Волонтёр?— презрительно спросил Евграфович.

— Кто?

— Ты.

— Нет, Игорь.— спокойно ответил парень и прошёл на кухню. Там он выложил помятый, как туалетная газета, конверт на стол. Евграфыч расписался в листке от какого-то реферата по физкультуре и вежливо выгнал гостя за порог.

Этой, так сказать, пенсией были пособия по инвалидности. У главы семейства отсутствовал большой палец на правой ноге. Потерял он его, когда несколько лет назад, будучи в зоопарке, просунул ногу в клетку с крокодилом. Дабы подразнить...

В конверте находилось пятьсот двенадцать рублей двадцать шесть копеек и чек с проезда на трамвае. Дмитрий Евграфович оставил конверт на столе и ушёл в большую(свою) комнату. Перепив пива, он задремал в кресле и спал до самого прихода сыновей.

Первым пришёл Евграф, принеся очередные пятерки. Он убрал из-под лица бати рыбные очистки и прошёл в свою(с братом) ком-

нату заниматься делами. Следом явился Дима. Тот кинул пакет с тетрадками в угол и умчался гулять. Через час ушёл и Евграф, заведомо радостный.

Когда Дмитрий-старший очухался, он сначала матом высказал свои недовольства по поводу загадочного исчезновения рыбных останков, а затем ушёл на кухню и высказался там вдвое громче и объёмнее: денежный конверт исчез. Вместо него темнел огрызок от яблока. Отец присел на табуретку. Тут же общупал карманы шорт. В них моток медной проволоки и рыбий хвост. Может в мусоре? Он перерыл ведро. Кроме рыбной шелухи и куриных костей ничего не обнаружил. Пробормотал себе под нос гадости и вернулся в комнату- там всё осмотрел. Под диваном черствели носки и копились пивные пластиковые крышки. Всё тщетно. Даже Коля Басков с календаря 2008-го года смотрел как-то ухмылённо. Итак, огрызок яблока... Димка яблоки не ест, он предпочитает мясо. Евграф любит яблоки, но за собой он бы точно убрал. Значит торопился. А куда? Точно же!

В замке зазвенел ключ и за порог ступил довольный Евграф с засосом на шее. Он пробирался к туалету.

– А ну иди сюда, сволочь!– закричал отец с комнаты на всю квартиру.

Евграф, было подумал, что отец опять оскорбляет соседа через стенку и немного похихикал. Но, когда лицезрел его злого да ещё и с ремнём от стиральной машины (другого не было) около себя, понял, что ошибся.

– Смешно тебе?– со взглядом агрессивного Пореченкова поинтересовался отец.

Старший опустил голову и ответил отрицательно.

– ТЫ деньги забрал?– брызнул слюнями папа, дрожа от волнения. Так же дрожало его брюхо с прилипшим к пупку рыбным пузырьём.

– Какие деньги?– дрогнул и Евграф.

– Какие?– вспылил батя и протащил сына за ухо в его комнату.– А ну давай, жопу свою!

Сын сквозь страх повторял, что он ничего не брал, но отец был непоколебим. Он ударил мальчика ремнём по заднице так сильно,